

Дмитрий Георгиевич Целорунго
(пос. Бородино, Московская обл.)

**Офицерские мемуары
о заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.**

Мемуары русских офицеров эпохи Отечественной войны 1812 г. разнообразны и многоаспектны. Рамки статьи, разумеется, не могут охватить их разнообразие и все темы, в них затронутые. Остановимся на теме впечатления молодых русских офицеров (И. И. Лажечников, А. Ф. Раевский, И. Т. Раджицкий, М. М. Петров, Г. П. Мешетич) в контексте «мы и они» от общественного, культурного, материального устройства, быта и нравов западноевропейских стран, прежде всего немецких государств и Франции, взаимоотношения русских офицеров и солдат с населением оккупированных стран¹.

Авторы рассматриваемых мемуаров не принадлежали к элите дворянского общества и оказались за границей лишь в силу сложившихся обстоятельств (не имея, как правило, возможности покинуть родину ни до, ни после известных событий). Во времена наполеоновских войн они были молоды и вследствие этого обстоятельства не были обременены большими чинами. Кроме этого их объединяют безусловные литературные способности. Авторы в первую очередь в своих воспоминаниях обращали внимание не на перипетии хода боевых действий, стратегии и тактики ведения войны, а на описание нравов, быта, общественных отношений и т. д., наблюдаемых ими за границей, что приближает данные мемуары к жанру путевых очерков.

М. М. Петров вспоминал, что его больше всего удивило, когда он впервые в 1805 г. со своим полком пересек границу своего

отечества и оказался у маленького силезского пограничного городка Штропена. Внимание Петрова привлекло какое-то отдельное строение, стоящее на бугорке, незнакомой архитектуры, он заинтересовался у проводника, что это, и получил ответ — виселица. «Как, — думал я, — и в те самые минуты, когда казалось судьба... приблизив меня в благоговении к божественной Германии, к народу, казавшемуся мне, по описанию и слухам от многих, благоизбранным нравов, и вот на первом шаге моем к ним встречает меня прекрасное ручательство — виселица!!»² Да и где на своей родине автор этих строк мог видеть виселицу, когда смертная казнь была отменена в России в конце XVIII в., последний казненный в XVIII в. был Емельян Пугачев, а первыми казненными в XIX в. стали пять декабристов.

В этом отношении показательное впечатление другого русского офицера И. Т. Раджицкого, который с удивлением пишет о событиях 1813 г. в Саксонии, когда мирные жители саксонского города Лубань попрятались в своих жилищах от вступающих в город войск. «Они не столько боялись русских, сколько пруссаков, которые обходились с ними как неприятели и мстили на каждом шагу за зло, сделанное в Пруссии французами. Так народы одной и той же нации, одной и той же веры были врагами непримиримее, нежели мы, пришельцы с Севера, другого племени... Русские, проходя через враждебную Польшу, не делали того, что делали германцы в неприязненных странах одного и того же племени, только различных владений. Тут явно превосходство русского солдата, который страшен только в рядах против неприятеля, но всегда мирен и кроток в неприятельской земле с жителями, будучи доволен тем угощением, которое в состоянии ему сделать поселянин, и не требуя излишнего»³. Для россиянина начала XIX в., который сам и его предки уже более двух столетий жили в едином национальном государстве, подобное явление казалось, мягко говоря, удивительным.

Русские офицеры в большинстве своем не пользовались так называемым правом войны на территории завоеванных иностранных территорий в отличие от наполеоновских завоевателей. Как писал А. Ф. Раевский в своих воспоминаниях: «Должно согласиться, что ни одна армия не имеет столько отличных, хороших офицеров, как наша, — и потому в лучших обществах Варшавы русские пользовались ласкою и уважением. Даже в самом низком звании народа заслужили они привязанность и почтение. Редкие из них пользуются правом войны, за все взятое платят щедро и, разве в случае самой крайности, прибегают к строгим мерам. Французы располагали деспотически собственностью поляков»⁴.

В продолжение этой темы уместно привести пример из воспоминаний М. М. Петрова, командовавшего в 1814 г. батальоном 1-го егерского полка, о первых днях пребывания союзных войск на территории Франции, в городе Реймсе, взятом накануне штурмом войсками 8-го пехотного корпуса русской армии. Автор вспоминает, что когда он разместился с офицером своего батальона на постой в доме молодого купца, то тот со своей женой встретили постояльцев «с принужденною учтивостью», а на просьбу собрать господам офицерам ужин ничего, кроме обещаний «сыскать кое-что» ничего не предложили, хотя, по ироничному замечанию автора, в доме не было заметно «никакого признака следов дела наших ребят... понимая такую бессовестную уклончивость от прошения нашего, по откинутых нами штурмовых правах» настроение у офицеров испортилось, и они взамен ужина решили осмотреть город. Но едва они углубились в город, как услышали вопли и крики жителей ремесленных кварталов, подвергшихся нападению мародеров союзных войск. Офицеры, не раздумывая, бросились на шум, «бегая из дома в дом... исторгали жертвы из рук мародеров, особливо прусских ландверов дивизии генерала Ягова, безмерно злых на французов за многолетние расхищения их королевства. Прибежавшие от батальонного резерва егеря мои облегчили наши бесполезные труды среди толпы отщепенцев истинного геройства. Минующего слабых и побежденных». После того как грабеж мещанских кварталов был остановлен, между прочим, во время этого опасного предприятия товарищ подполковника Петрова едва не был убит прусским мародером, русские офицеры обещали жителям Реймса «во всякое время приспеть на помощь им». После этого эпизода отношение хозяина дома к Петрову и его товарищу кардинально изменилось, и он накрыл на стол русским офицерам роскошный обед⁵.

Обер-офицер 11-й артиллерийской бригады Г. П. Мешетич вспоминает о другом случае благородного отношения русских офицеров к местным жителям, произошедшем в 1813 г. в Дрездене. Когда два казачьих офицера во время боя решили осмотреть каменный двухэтажный дом, им показалось подозрительным, что хозяин дома «как смерть бледный умолял их не требовать осмотра» одной запертой комнаты, но офицеры убедили отпереть ее и нашли таким двух молодых дочерей хозяина дома и «настоящий фортепьян». Офицеры попросили барышень поиграть на нем, те исполнили их просьбы, за что получили по червонцу. Затем офицеры раскланялись с хозяином и ушли. Тот впоследствии как редкость показывал многим эти червонцы и рассказывал об одном случае⁶.

В офицерских мемуарах можно встретить описание случаев благородного отношения к пленным. Так, А. Ф. Раевский пишет, что французы называют нас варварами; но могу сказать утвердительно, что ни в одной армии нет офицеров столь добрых и человеколюбивых, как в нашей. Пример: автор, зашедши к знакомым офицерам, увидел у них французского офицера (которого недавно взяли в плен), при пленении он отдал свои деньги и часы на сохранение офицеру русскому, взявшего его в плен. «После сражения с великими трудами русский отыскивает пленника, возвращает ему не только часы и деньги, но и крест во время дела, нашим солдатом с него сорванный. Товарищи мои увидели его во время перевязки у доктора, прислали к себе, отогрели, накормили, напоили и поделились даже бельем, в котором и сами имели большой недостаток»⁷.

Авторы офицерских мемуаров подмечают и некоторые общие явления нравов, имеющие место как в русском дворянском обществе, так и среди немецких дворян. Так, у А. Ф. Раевского мы находим упоминание о некоем прусском офицере, который «...подобно многим и моим соотечественникам, он заражен был несчастной страстью говорить весьма плохо по-французски. Уверения мои, что я разумею немецкий язык, не помогли не мало...», и последний продолжил попытки изъясниться на своем плохом французском⁸.

Большое место в офицерских мемуарах отводилось описанию общественного устройства, культурного и материального уровня, а также быта и нравов жителей западноевропейских стран. М. М. Петров целую главу своих воспоминаний так и назвал «О благоустройстве Германии», в которой отметил положительные моменты многих сторон жизни в германских землях, которые достойны подражания, начиная от государственного управления и сбора налогов, заканчивая медицинским обслуживанием.

«Прекрасный конный завод, несколько десятков рогатого скота заставили нас полагать, что мы находимся у какого-нибудь богатого помещика» — но, это было хозяйство простого немецкого крестьянина с удивлением, вспоминает А. Ф. Раевский⁹. И далее он пишет: «Многим казалось странно, что самые крестьяне с жадностью читают политические листки и рассуждают о происшествиих мира... Я часто с удивлением видел людей — даже богатых дворян наших, — которые никогда не читают газет и не любопытствуют знать, что происходит не только в странах, соседственных России, но и самой России»¹⁰.

Но, с другой стороны, в своих воспоминаниях авторы отмечают бедность французских деревень, в которых поселяне жили не-

опратно и далеко были отставши в опрятности образа жизни от германских народов¹¹.

Мемуаристов волновали внутрироссийские сословные отношения, поэтому с таким вниманием они присматривались к отношениям между сословиями в немецких землях. М. М. Петров отмечал, что новое дворянство в Пруссии совсем не прибавляется, ибо с 1816 по 1845 гг., по данным прессы, только два генерал-лейтенанта и директор Академии художеств возведены прусским Королевским советом за особенные заслуги в дворянское достоинство, ибо в Германии большая часть и генералов только личные дворяне¹². Известно, что в России в начале XIX в. приобретение на военной службе первого обер-офицерского чина давало возможность недворянам получить потомственное дворянство.

В этой связи можно привести документ из архива лейб-гвардии Семеновского полка, дело «Переписки с командирами подразделений...», в котором имеется рапорт от 7 сентября 1811 г., поданный цесаревичу Константину Павловичу командиром Волынского полка подполковником Курносковым, где последний доносит о незаконном присвоении двум братьям купцам Курдимовым чинов прапорщиков, а стало быть, незаконно «притязавшими дворянское достоинство». Причем в рапорте особо подчеркивается, что эти купцы на действительной военной службе не находились¹³.

А. Ф. Раевский с осуждением пишет о подобных проявлениях: «невольно вспомнил я наших мещан во дворянстве. Какую жалкую ролю играют они в кругу благородных! Не гораздо ли почетнее, умнее человек, старающийся облагородить звание, в котором он родился? С сей стороны немцы достойны подражания. Художник их не желает ни почестей, ни знаков отличия; он старается усовершенствовать искусство, которому посвятил себя... купец, действуя в своей конторе, не ищет лаврового венка; ученый гордится только своими сочинениями... Действительно, я не видел человека (в России. — Д. Ц.) достойного большого сожаления, как купца, доставшего себе чин через богатство. Разорвав самые тесные, приятнейшие связи с семейством и друзьями своей молодости, везде преследуем он ложным стыдом прежнего звания...»¹⁴.

Но вместе с тем тот же А. Ф. Раевский высказывает сомнения в полезности широкого привлечения на командные должности в армиях европейских государств выходцев из недворянских сословий: «Не редкость даже в купеческой конторе встретить и кавалеров железного креста. За два года перед сим гордому барону показалось бы странно и обидно видеть на груди купца знак отличия, храбростию и

мужеством приобретаемый; но последняя брань соединила все звания. Я говорил уже выше, что одни личные достоинства давали право на возвышение, и случалось, что дворяне служили рядовыми воинами в роте, которою начальствовал сын ремесленника»¹⁵. И далее он пишет: «Один город Гамбург выставил до 3000 воинов. Узнав их, мне не удивительно казалось неуважение, оказываемое жителями к званию воинскому: все почти офицеры из самых бедных ремесленников и купцов; даже главный их начальник (не упомяну его имени) был прежде крыльщиком. Мудрено ли, что общественные отношения делают их несравненно ниже богачей, от которых зависит будущая судьба воинов и их семейств»¹⁶.

Но какие бы специфические черты не отличали россиян и западноевропейцев, все-таки было много и общего, что их объединяло и способствовало к общению и сотрудничеству. С нескрываемой гордостью и (отповедью горе патриотам наполеоновской Франции) И. Т. Радожицкий описывает вступление русских войск в Париж: «Так появление русских изумило вид Парижа и его обитателей! Французы... едва верили, чтобы русские могли говорить с ними их языком... Парижане, воображая русских, по описанию своих патриотов, варварами, питающимися человеческим мясом, а казаков — брадатymi циклопами, чрезвычайно удивились, увидевши российскую гвардию, и в ней красавцев-офицеров, щеголей, не уступающих как в ловкости, так и гибкости языка и степени образования, первейшим парижским франтам»¹⁷.

Из высказываний авторов офицерских мемуаров можно сделать вывод, что в разделенной наполеоновскими войнами Европе, несмотря на мировоззренческие различия, у россиян и западноевропейцев находилось достаточно мотиваций для цивилизованных взаимоотношений и сотрудничества.

¹ Лажечников И. [И.] Походные записки русского офицера. СПб., 1820; Раевский А. Ф. (Андрей). Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. Ч. 1–2. М., 1822; Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. Ч. 1–2. М., 1833; Петров М. М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991; Мешетич Г. П. Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов. 1818 г. // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991.

² Петров М. М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова... С. 136.

³ Радожицкий И. Т. Походные записки... Ч. 2. С. 220–221.

⁴ Раевский А. Ф. (Андрей). Воспоминания о походах... Ч. 1. С. 27.

⁵ См.: Петров М. М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова... С. 254–256.

⁶ Мешетич Г. П. Исторические записки... С. 58.

⁷ Раевский А. Ф. (Андрей). Воспоминания о походах... Ч. 1. С. 89.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Там же. С. 131.

¹⁰ Там же. Ч. 2. С. 62–63.

¹¹ Мешетич Г. П. Исторические записки... С. 67.

¹² Петров М. М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова... С. 322.

¹³ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 1465. Л. 27.

¹⁴ Раевский А. Ф. (Андрей). Воспоминания о походах... Ч. 1. С. 132.

¹⁵ Там же. Ч. 2. С. 61.

¹⁶ Там же. С. 44.

¹⁷ Радожицкий И. Т. Походные записки... Ч. 2. С. 126–127.

Александр Николаевич Лукирский
(Санкт-Петербург)

К вопросу о снабжении войск

Отдельного Кавказского корпуса продовольствием в 1817–1829 гг.

Создание регулярной армии, т. е. армии, которая профессионально готовится к войне и только к войне, означает, что заботу о ее обеспечении едой, одеждой, вооружением берет на себя государство. Оно централизованно заготавливает необходимые предметы снабжения и организует их доставку войскам, находящимся в разных районах империи. Целью данной работы было показать, какими маршрутами доставлялись продукты питания, поставляемые от казны, на Кавказ и какую роль в их использовании играл командующий корпусом.

Рассмотрим формы и методы обеспечения Кавказского корпуса провиантом в 1817–1829 гг. В силу указа «О полевом провиантском управлении»¹, который вступил в действие по Отдельному Кавказскому корпусу с 1 января 1818 г.², продовольственное обеспечение Отдельного Грузинского (Кавказского) корпуса было возложено на его командира, которому подчинялось полевое провиантское управление³.

Заготовление продовольствия (муки, круп, мяса) было сосредоточено в низовых губерниях — Саратовской, Симбирской и Воронежской. Продовольствие сплавлялось по Волге и Дону в Астрахань